

ОДНИ мечтают сыграть Гамлета, другие — Отелло.

Евгению Иванычеву везет. Он играет своих современников, играет людей, отделенных во временном измерении от него, от нас одним, двумя, максимум — тремя поколениями. Разных играет он людей. И героев, и тех, у кого что-то в жизни не вышло. И честных, и не совсем. И глухих ради правды. Что, конечно, спорно... Но такие люди есть.

«К барьеру подлость! И без хитроумий», — написал в заголовочности один из наших современников, хороший, добрый поэт.

Так вот, Евгений Иванычев играл и играет нас — граждан двадцатого века, людей, знающих, что такое социализм, и живущих им. Живущих по-разному. Играет тех, кто пишется с большой буквы, и других, для кого надо выбирать шрифт помельче, и тех, о ком вообще говорить не хотелось бы, но увя... есть они, существуют. И не бытие определяет их сознание.

Ох, как точит зуб на них Евгений Иванычев. И в жизни, и на сцене. К немодному нынче способу отчуждения обращается он, когда выходит на подмостки подлещом, лизоблюдом. Смотрите, будто бы говорит он, это они, а их ненавижу. Но играю. Играю для того, чтобы вы увидели их, чтобы пристальней взгляделись в себя — не

прорастает ли и во мне что-то гаденское, ядленское.

В общем, скажем сухонными, но точными словами, Евгений Иванычев, заслуженный артист Латвийской ССР, лауреат премии Ленинского комсомола республики, воспитывает нас со сцены на положительных и отрицательных примерах.

С ненавистью и болью схватился Евгений Иванычев за предложенную ему в знаменитой, много раз поставленной известными режиссерами в прославленных театрах, сыгранную замечательными актерами роль Городничего в пьесе Н. В. Гоголя «Ревизор». Неукротимая страсть овладела актером. Еще не приступив к репетициям, он влюбился в работу над ролью.

Сегодня идут репетиции. Идет трудная, изматывающая работа. Идет изо дня в день. И грядет премьера...

ОДНИ мечтают о роли Гамлета, другие — о роли Отелло. Я мечтаю, чтоб спектакль получился.

Я мечтаю, чтоб хоть на время спектакля, хоть на два с небольшим часа мы отряхнулись от суеты, забыли спешку, внимательно всмотрелись в себя, с пристрастием и по-доброму оценили тех, с кем живем, работаем.

Жду премьеры. Волнуюсь. Уверен в успехе.

Долгий, трудный марафон в зените нашего двадцатого

века ведет Евгений Иванычев. Если бы только театр... Любимый, выматывающий нервы, вытягивающий жилы...

Но не зря живут на свете двужилые люди.

Давайте, я просто расска-

МАРАФОН В РАЗГАРЕ ЛЕТА

жу вам об одном дне Евгения Иванычева.

Понедельник. К десяти в театр. Репетиция. Обеденный перерыв — чашка перехваченного кофе и пробежка до учителя музыки: по замыслу режиссера, Городничий должен играть на флейте, значит и Иванычев должен научиться играть... Снова репетиция.

На троллейбусе не успевает, хватает такси, мчится на телестудию. Там запись телевизионного журнала «На страже советских рубежей». (Именно за работу в нем ведущий журнала Е. Иванычев был удостоен премии Ленинского комсомола республики). Оттуда (уф, повезло — троллейбус подошел), не сняв грима, актер спешит в театр. Переодевается, входит в роль, играет.

С сумкой, до отказа забитой томиком стихов — успел забежать в библиотеку, а

когда, простите, я не уследил, — спешит домой. Лада — дочка, конечно, уже спит. Яна — жена, точно к приходу согрела ужин. — Ну, накормила, молодец! — говорит он ей, заваривая кофе. — Спокойной ночи!

И до рассвета горит на кухне свет: Иванычев готовит новую концертную программу — «Русские поэты о любви».

Чтобы не повторяться, ограничусь одним днем, понедельником. Другие дни отличаются немногим.

Хотя как сказать. Сегодня Евгения Иванычева, отпросившегося с репетиции и заранее отказавшегося от приглашений на выступления и концерты, ждут войны-пограничники. Как бывалый моряк, едва касаясь каблучками ступеней крутого трапа, соскальзывает Иванычев в кубрик сторожевого корабля. Резонанс жестких металлических переборок несколько искажает его голос. Он не тот, что звучит со сцены, с телеили киноэкрана. Без грима играет актер любимых своих героев — старшину Васкова из «А зори здесь тихие», Вьюгина из «Тринадцатого председателя», читает стихи,

рассказывает о своей работе, о себе.

Летом, вырвавшись на недельку в деревню, к родственникам, любит Евгений Иванычев выйти спозаранку на луг, наточить косу как следует и широко, волюно размахивая ею, смотреть, как налитая соком трава ложится о бок. Любит

презительный, бодрящий запах ее зеленой крови, любит посмотреть, как первые лучи солнца наливают янтарем, согревают замерзшие на листьях росинки.

Намахавшись косой, умаявшись, любит лечь на землю, чувствовать сквозь полог свежескошенной травы легкое покалывание только от срезанных стеблей и, заложив руки за голову, глядеть, как меняет цвет неба уходящее солнце, как его багряные лучи, запутавшись в кронах берез, сгущаются, делают бархатной их ситцевую зелень.

Пограничники — парни любопытные, дотошные. Этого требует от них служба. Уже притерся к борту сторожевика катер, пофыркивает нетерпеливо мотором, а они все не отпускают актера.

— Евгений Иванович! А как вы начали сниматься в кино?

Катер все урчит, фыркает. А о работе в кино так, в двух словах не расскажешь. Это — тоже любовь. Ненасытная — как к земле, как к театру, как к жизни.

Что ж, придется уплотнить график бега и на следующую

неделю. Иванычев дает слово морякам заглянуть к ним в следующую среду и, устроившись в катере, достает блокнот, делает в нем пометку.

Самые дорогие часы — из тех, что хотел провести с дочерью — обводит он кружочком и приписывает: «Погр. о кино».

Об этом блокноте, в котором все расписано не по часам, а по минутам, вернее о их кипе, скопившейся за 21 год работы в театре, можно было бы написать отдельный очерк. Но я ограничусь лишь одним наблюдением — такие блокноты-календарчики, может быть разных форматов, разных фабрик и фирм, я видел практически у всех актеров, которые любят и хотят работать, которые видят в работе смысл жизни, и трудом, ежедневной, ежечасной работой шлифуют свой талант.

Но человек не может один. Талант — тоже. И ему недостаточно работы рядом со своими собратьями по сцене, мало творческих споров, профессиональных бесед.

Уж так устроена жизнь, что ею руководит инстинкт размножения, то есть продолжения себя в себе подобных. И касается это, естественно, не только продления рода человеческого. Если ты не глуп, то хочешь, чтобы и сын твой был умней, и чтобы люди, что рядом и что подальше тоже были умны. Если ты правдив, естественно стремление, чтобы и сын твой был честен, и близкие, и все люди были такими. Потому непреодолимо и естественным оправдано стремление та-

лантливого человека, мастера научить своему делу тех, кто на это способен, передать им свои тайны, постичь которые может далеко не каждый.

Горстями бросает пахарь в набухшую, жаждущую родить землю зерно. Но не каждое даст всходы, не из каждого вырастет упругий налитой колос. Но урожай, если земледелец искренен в своей любви к земле, если заботлив, всегда вознаградит его сторицей.

Евгений Иванычев руководит Народным театром Рижского вагоностроительного завода. Немало там у него способных парней и девушек.

— Женя, кого назвать? — спрашиваю я.

— Или всех, или никого, — заявляет он с несвойственной категоричностью.

И позже, когда мы выходим за проходную, объясняет:

— Понимаешь, они, конечно, не одинаковы. Есть очень яркие ребята. Но театром живут все. Даю им играть, стараюсь выжать все, на что способны. И дело не в том, что не хочу кого-то похвалить, боюсь кого-то обидеть. Просто они нужны мне, тебе, нам прежде всего не как актеры, а как люди. Они влюблены в искусство. Это само по себе ценно. Но еще ценней, что их творческий заряд, тяга к прекрасному передается тем, с кем они работают, с кем дружат. Ты ведь, по-моему, раньше тоже театром не увлекался?

— Что правда — то правда. Пьесы предпочитал читать. Воображение ставило декорации, подбирало актеров. Не отказался от этого и сейчас. Но дыхание театра, неповторимость каждого спектакля со всеми удачами и помарками, со спорами, упреками актера после овации самому себе на черной лестнице, где висит плакат «Никотин — яд» и написано — «Место для курения» — это я еще многое, вся эта мозаика мелочей, свершений, обид, счастья, всего того, чем живет театр, и что непременно находит свое отражение на сцене, стало для меня потребностью. Чуть по-иному (сместилась точка зрения — а это иногда так необходимо) я взглянул и на свою работу, на свою жизнь, на своего редактора. Мне стало понятным внешне ироничное отношение актеров к режиссеру — маска, под которой они скрывают готовность и необходимость подчиниться его воле, быть ведомыми ею во время спектакля. Творчество — оно всегда индивидуально — оно всегда коллективно. Не было бы Есенина — не было бы и «Анны Снегиной». Не было бы Пушкина — не было бы Есенина.

Городничий будет. Будет Городничий — Иванычева. Потому что рядом с ним его коллеги, потому что рядом — главный режиссер театра, народный артист республики Аркадий Фридрихович Кац. Потому что ведет марафон в разгаре лета хороший парень, хороший актер Евгений Иванычев. Потому что он знает цель своего забега. Забега, длиною в жизнь.

В. СЕМЕНОВ.